

— Ладно, ладно, молчу. — Чан Сяохань едва не расплакался от счастья, бормоча под нос «небо милостиво», и тяжело опустился на землю, теперь уже совершенно расслабленный.

Гао Линь стоял неподалёку, обхватив рукоять меча, и думал про себя: ещё неизвестно, милостиво ли небо — разве не видно, что твой молодой господин уже еле дышит? Если человек всё-таки умрёт, к нам это не имеет никакого отношения.

Едва он это подумал, как бездыханный на носилках человек внезапно зашёлся в приступе кашля и извергнул огромное количество чёрной крови. А-Нин тут же радостно воскликнул:

— Господин, он сейчас очнётся.

Гао Линь: «?»

Лю Сюаньань извлёк последнюю серебряную иглу и медленно выдохнул:

— Действительно несложно.

— Да-да, искусство господина Лю не знает равных, конечно, несложно. — Чан Сяохань снова низко поклонился, не ведая, что под «несложно» подразумевалось «следуя указаниям в книге, колоть иглы действительно несложно».

Ну а составлять рецепты по книге — и подавно несложно.

Медицинские трактаты семьи Лю составлялись их же предками, симптомы, фармакология, принципы взаимодействия и противодействия веществ были расписаны до мелочей, что весьма облегчало Лю Сюаньаню жизнь. Он быстро составил два рецепта: для наружного применения и для приёма внутрь.

Пока он занимался этим, А-Нин достал бинты, чтобы перевязать рану на руке Чан Сяоханя. Сначала он аккуратно стёр кровь чистой тканью, но прежде чем нанести лекарство, будто уловил нечто странное, наклонился, принялся и нахмурился:

— Ты и сам отравился, разве не чувствуешь? Высушенную лиану красного гуся поджигают, и если вдыхать её аромат подолгу, тело слабеет, дух рассеивается, сила уходит. Если пользоваться ею постоянно — всё равно что принимать «Хуагун сань».

— Я? — Только теперь, услышав это, Чан Сяохань смутно вспомнил, что в последнее время и впрямь чувствовал нечто подобное. Когда эскорт бюро «Ваньли» отправлялся в путь, всю еду и питьё проверяли на яд, а вот снадобья для ран и ночные благовония в покоях обычно не достаивались пристального досмотра. Если предатель хотел навредить, возможностей у него было предостаточно.

Вспомнив все перипетии этого путешествия, он ощутил, как по спине у него пробежал ледяной пот — пот от осознания, что он чудом избежал гибели.

— Но здоровье у тебя крепкое, ничего страшного, за несколько месяцев поправишься. — А-Нин, закончив перевязку, продолжил:

— Яд из тела твоего молодого господина уже по большей части выведен. Остаточное действие можно устранить снадобьями. Когда доберётесь до города Белого Журавля, отправляйтесь на восток, в лечебницу Кантай, к доктору Чжану. Там можно и остановиться, и раны зашить помогут, и лекарства приготовят. А что до поместья Белого Журавля, так оно принимает лишь

тех, кто со всей страны едет за спасением жизни, так что вам туда соваться не стоит — мест всё равно не досталось бы.

— Хорошо, коль лекарь говорит, что всё в порядке, мы, конечно, не станем с другими спорить.
— Чан Сяохань принялся кивать.

Гао Линь не мог взять в толк: как же так вышло? Второй сын семьи, судя по всему, лечит быстро и эффективно, даже слуга его с ходу может наговорить целую речь — и всё равно его называют самым никчёмным и бесполезным отпрыском за всю историю рода Лю. Видно, требования в поместье Белого Журавля и впрямь запредельные.

Дыхание человека на носилках постепенно выровнялось. Чан Сяохань снова принялся благодарить Лян Шу и Гао Линя, а затем осмелился попросить: не могли бы они продать ему небольшую повозку или хотя бы одну лошадь?

Подобная наглость, просить большего после оказанной милости, была, конечно, неуместна, но в этой глухомани иного выхода у него не оставалось, и он решился озвучить просьбу.

Чан Сяохань продолжал:

— Я — инструктор бюро «Ваньли», а раненый — мой молодой господин, Чан Сяоцю. Мы должны были доставить партию товаров в Цинцзян по приказу главного инструктора, но не ожидали, что попадём в засаду у горы Укрощённого Тигра. Сперва я недоумевал: откуда в мирных местах взяться шайке разбойников? А теперь вижу — ловушку, видимо, подготовили сообща, изнутри и снаружи.

Лян Шу скользнул взглядом влево.

Большинство эскортников, приведённых Гао Линем, были без сознания от боли; те же, кто оставался в чувствах, лишь слабо шевелились. Чан Сяохань пока не решил, что с ними делать. По правилам, следовало отконвоировать их обратно в бюро для допроса, дабы выяснить все обстоятельства дела, но в столь срочной ситуации он был слишком занят. В самый разгар его раздумий Гао Линь произнёс:

— Повозку дадим, люди останутся. Мы как раз направляемся к горе Укрощённого Тигра, и если они и впрямь связаны с разбойниками, сможем их допросить.

Чан Сяохань, разумеется, не мог отказать. Он уже уловил, что собеседники не желают раскрывать свои личности, а потому лишних вопросов не задавал, но по одежде и манерам можно было догадаться, что перед ним — выходцы из знатного рода. К тому же они спасли ему жизнь и сопровождали сына семьи Лю из поместья Белого Журавля, а значит, им можно доверять.

— В городе Мулань, что неподалёку от горы Укрощённого Тигра, также есть отделение бюро «Ваньли». Если вам будет не в тягость, после допроса не могли бы вы отправить их туда под стражу?

Гао Линь не дал прямого ответа, лишь распорядился, чтобы охрана подготовила небольшую повозку, дабы Чан Сяохань мог отвезти Чан Сяоцю в город Белого Журавля.

Лю Сюаньань совершенно не интересовался делами предателей и не вслушивался в разговор по соседству. Приведя в порядок свой медицинский ящик и тщательно вымыв руки, он почувствовал голод и лёгкое головокружение, достал из котомки сладкую лепёшку и принялся

неспешно есть её под деревом. Вид окровавленных, перепачканных грязью людей неподалёку, казалось, нимало не влиял на его аппетит.

Заместитель командующего Гао повернул голову, скрестил руки на груди и тихо молвил своему князю:

— Удивительный человек.

Выражение лица Лян Шу не изменилось, но пальцы его едва заметно дрогнули.

Свист! Серебряная вспышка молниеносно вонзилась в нижнюю часть живота одного из эскортников. Тот вытаращил глаза и с воплем изрыгнул чёрную кровь.

В результате подол одеяния Лю Сюаньаня оказался изрядно запачкан.

— Господин! — А-Нин поспешно оттащил его назад.

Гао Линь остолбенел. Медленно схватившись за лоб, он отвёл взгляд.

Пусть в резиденции князя Сяо особо не заботятся о репутации, но такие позорные выходки впредь лучше пореже устраивать.

Лю Сюаньань, однако, не проявил особых эмоций. Он завернул недоеденную лепёшку и передал её А-Нину на время, затем вернулся в повозку, чтобы переодеться, после чего снова вымыл руки, вытер их и принялся доедать угощение.

Не проронив при этом ни слова.

Такая реакция вновь повергла Гао Линя в изумление.

Лян Шу наблюдал за его неторопливыми движениями, и спустя некоторое время осенила догадка.

Кажется, этот человек вовсе не способен гневаться.

Ночной лесной ветер был студёным, от него на поляне повисла ледяная мгла. А-Нин достал из поклажи войлок и разостлал его под деревом, поближе к костру. Он хотел, чтобы его господин пораньше отдохнул, но раненные напротив были уж слишком шумны: то теряли сознание, то приходили в себя с оглушительными стонами, словно вокруг разлили целую корзину трескучих цикад и горластых призраков.

Гао Линь, засунув руки в рукава, подошёл к Лян Шу и, сжав голос до шёпота, прошипел:

— Ваше Высочество, хватит, пора бы и уgomониться. — Ведь если всё время пялиться на второго сына семьи Лю... Будь на его месте девица, её доброе имя и девичью честь вы бы одним своим взглядом в прах обратили.

С другой стороны, А-Нин тоже заметил, что князь Сяо смотрит в их сторону, и тихо сказал Лю Сюаньаню:

— Господин, кажется, князь хочет что-то вам сказать.

Лю Сюаньань стряхнул с пальцев крошки и взглянул в сторону Лян Шу.

Но Лян Шу уже отвёл взгляд и о чём-то беседовал с Гао Линем. Костёр на поляне, да ещё и в свете ясной луны, будто озарял его всего, отчего черты лица выступали отчётливо, высокий прямой нос отбрасывал тень, а развевающиеся полы одеяния напоминали рябь на озере, искрящуюся под лунным светом. Выражение лица — безмятежное, осанка — благородная. Слухам о кровожадном чудовище он совсем не соответствовал.

Впрочем, слухи всегда полны и правды, и вымысла. Подумав так, Лю Сюаньань закутался в одеяло, прислонился к дереву и вновь погрузился в созерцание. Суэта внешнего мира его мало заботила: даже если бы вокруг вопили призраки, при должном умиротворении духа в ушах звучал бы лишь шелест ветра в листве.

— А-а-а! — Внезапный душераздирающий вопль вспугнул с деревьев стаю птиц, но не смог отвлечь второго сына семьи Лю от его трёх тысяч путей Дао.

А-Нин, которому всё равно не спалось, устроился рядом с Лю Сюаньанем и, вытянув шею, принялся наблюдать за разворачивающимся действием. Обессиленного эскортника солдаты подхватили под мышки и приволокли к Лян Шу. Его раненная нога волочилась по грязи, оставляя кровавый след, — зрелище было поистине жалким.

Вероятно, тот был до смерти напуган, да ещё и адская боль делала своё дело, — не дожидаясь вопросов Гао Линя, он выложил всё как на духу.

Главного инструктора бюро «Ваньли» звали Чан Ваньли. В мире боевых искусств он не снискал особой славы, зато дела его конторы шли весьма успешно. Три года назад первая жена Чан Ваньли скончалась от болезни, и вскоре он женился вновь. Новую супругу звали Хэ Жао, видом она была соблазнительна, но нрав имела противоположный — сварливый и едкий. Не прошло и полугода, как она полностью подчинила Чан Ваньли своей воле.

<http://bllate.org/book/16268/1464054>